

Что творчество?
Та раскаленная печь,
Где мастер,
Во имя земной любви,
Обязан сначала
Себя обжечь
Потом обжигать
Творенья свои.

В советское время издавался справочник членов Союза писателей с указанием, в какой области литературы они работают. Там сказано: «Рыленков Николай Иванович (поэт, прозаик)». К этому можно добавить — эссеист, критик, переводчик. И все же, хотя во всех этих областях прозаического творчества можно назвать великолепные образцы (взять хотя бы автобиографическую трилогию с ее «Сказкой моего детства», которую многие современники ставили наравне с аналогичными произведениями Л. Н. Толстого, С. Т. Аксакова, «Коктебельскую элегию», «Синие глаза зимы», «Песнь о березе», «Чувство родного слова», статьи о Тургеневе, Толстом, Гоголе и многое другое), он был и остается прежде всего замечательным поэтом, поэтом с большой буквы.

Любовь к поэзии и своему отечеству прошла через всю его весьма нелегкую жизнь, была его сутью.

Говорят, что для того, чтобы узнать поэта, проникнуть в его внутренний мир, нужно читать и перечитывать его стихи. И это, разумеется, верно, поскольку прямо или косвенно он вкладывает в них свое я, без чего невозможно затронуть сердце читателя. Но я бы добавила к этому еще поправку на время. Время — могучий фактор, все живут в нем, оно многое определяет в каждом человеке, но особенно поэте, да и любом писателе. Знание

времени помогает понять и явные, и скрытые мотивы творчества, и особенности стиля и языка, изобразительных средств, и то, что сказано в конкретном произведении прямо, а что необходимо читать между строк.

За три года до конца Николай Иванович Рыленков писал:

Так же, как род, как племя,
Дается поэту время,
Земная его стезя.
Можно времени вторить,
Можно с временем спорить,
Уйти от него нельзя.

1966

А время его жизни и творчества, «земная его стезя» пришлось на очень нелегкие времена: за шестьдесят лет, что прожил поэт, три кровавые войны (Первая и Вторая мировые и Гражданская), в семь лет лишился отца, в девять — матери. К этому надо добавить годы сталинских репрессий, и это не считая польской и финской кампаний. Да и послевоенные годы были далеко не безоблачными.

И тем не менее мальчик, сирота из глухой деревни Рославльского уезда Смоленской губернии смог постичь высоты не только русской, но и мировой культуры и стать высокообразованным человеком и великолепным поэтом. Как такое могло случиться? Безусловно, природа щедро одарила его талантом, любовью к поэтическому слову, феноменальной памятью, наблюдательностью, умением различать тончайшие нюансы и изменения в природе, добросердечием, верой в свое предназначение. Еще не зная грамоты, на слух запоминал стихи Кольцова и Никитина, читаемые

Рыленков — поэт лирический, но нельзя понимать это узко, буквально, что он писал о любви и только о любви. Лирика его очень разнообразна — пейзажная, любовная, гражданская, военная, философская. Взять хотя бы, как чудесно воспеты им все времена года (не только в стихах, а и в этюдах, которые отнесли к лирической прозе). Возникает эффект личного присутствия. Так и чувствуешь аромат августовского яблоневого сада, яркие краски ранней осени и блеклые поздней, блеск и скрип снега, весенний шум пробуждающегося леса. А как хороши дожди. Недаром Рыленкова многие называли певцом дождей. Хотя, казалось бы, сколько поэтов-классиков их изображали, например Тютчев, а вот, оказывается, можно найти какие-то новые краски и слова, новое видение:

Кусты в серебряных сережках
Стоят, глядят по сторонам,
Где русский дождь на тонких ножках
Перебежал дорогу нам.

После дождя. 1953

Или:

Дождик теплый, дождик частый,
Приходи к нам в добрый час ты.
Приходи, когда мы ждем,
Хочешь ночью, хочешь днем,
Под зарей, под радугой ли,
Чтоб посевы радовали.

1953

А вот совсем иное, очень короткое стихотворение, казалось бы, о грозе, о связи времен года, но на самом деле — гораздо шире и глубже.

О ярость гроз, ты вдохновенье лета,
Когда любые по плечу дела,
А дни безгрозья — первая примета,
Что осень с жадной тишины пришла.

1963

Гражданская лирика включает в себя много превосходных стихов. Тут и «Сколько бы капель горечи», и «Разум и совесть — отец и мать», и «Дай припасть к руке твоей, Россия», и «Что есть гражданственность», и многие, многие другие. Вот коротенькое стихотворение этого направления, а насколько оно глубоко и актуально:

Что значит — сыном века быть?
Неужто — прошлое забыть?
Нет, жадной всех столетий жить
И эту жажду утолить!

1965

Или совершенно иное, как будто бы относящееся к давно прошедшим временам и такое современное:

Был мудр гордец, сказавший римлянам,
И в смерти видя торжество:
«Я получил сей город глиняным,
Оставлю мраморным его!»

Но счастлив был, достигнут вечностью,
Лишь тот, кто мог сказать: «Друзья,
Вы были слугами отечеству,
Прощаюсь с гражданами я!»

1967

А вот исповедь его поколения:

Нам, кто безвестен иль прославлен,
Брал века грозный перевал,
Кого рукой железной Сталин
На подвиги благословлял, —

И пережить пришлось так много,
И передумать в краткий срок,
Что суд потомков самый строгий
Мы примем. Был бы впрок урок.

1966

У Н. И. Рыленкова много стихов о красоте сельского быта наших современников, крестьянского труда, о духовном богатстве простого труженика, прелести наших городов и сел. И много стихов-раздумий о людях, судьбах родины.

Тот, кем взлелеян каждый плод,
С кем век глядит в глаза природе,
Нам заноситься не дает
И учит при любой погоде —
Поменьше думать за народ,
Побольше думать о народе.

1964, 1965

Считая знание истории одним из главнейших для образованного человека, Рыленков многократно обращался к историческим событиям, осознавая их влияние на судьбы России, — это и исторические поэмы «Скоморох Овсей Колобок», «Великая замятня», «Отрок с уздечкой» и «Свадьба Марины Мнишек», и многое другое.

Особый раздел в творчестве составляют стихи и поэмы о войне и написанные на войне. Почти все стихи о том суровом испытании, испытании «огнем и железом», созданы непосредственно в это время. Дело в том, что Николай Иванович Рыленков с первых дней войны ушел на фронт добровольцем, хотя и был белобилетником, и не журналистом, что было бы естественно, а командиром взвода саперного батальона в тяжелейшее время обороны Москвы. Это фактически дневник событий и переживаний автора («Письмо», «Ключ», «Командир батальона», «Наводчик», поэмы «Апрель», «Возвращение»). И среди них я выделила бы совершенно пронзительное стихотворение «День твоего рождения», написанное 31 декабря 1941 года по поводу действительно события, которое по силе заложенных в него чувств нисколько не уступает знаменитому стихотворению М. В. Исаковского «Враги сожгли родную хату».

А стихотворение «В суровый час раздумья нас не троньте» я считаю одним из самых проникновенных и серьезных стихотворений, написанных в период нечеловеческих испытаний, во всей поэзии на эту тему. Оно отразило и глубокую трагедию человека на войне, и, одновременно, его мужество и веру в свой народ, в свою родину.

Но писались в эту пору и чисто лирические стихи, например «Когда б у меня спросили», «Пришла ко мне как в юности», «Лада», «Память», «Ты помнишь лето под Смоленском», «Крутые росстаны в тумане», «Где-то тоненько-

тоненько цвелькает зяблик». И как ни странно, но в войну стала очень востребованной именно лирика. Как писал сам Николай Иванович в письмах жене, он часто, выступая на всесоюзном радио в Москве, по многочисленным просьбам слушателей читал именно лирические стихи. Впрочем, и после освобождения Смоленска, бывая у строителей, восстанавливавших практически полностью разрушенный город, а были это в основном женщины, по их просьбам читал стихи о любви.

Кстати, будучи командиром саперного взвода, Рыленков кроме всего прочего должен был проводить политинформации. Большинство солдат по возрасту годились ему в отцы, и у них сложились очень хорошие отношения. Поэтому когда бойцы попросили вместо обзора событий почитать им стихи — а газеты они прочтут и сами, — командир согласился. И так продолжалось до отзыва Рыленкова в штаб партизанского движения. А читал он наизусть, в основном классику. Читал он и свои, написанные в землянке по ночам новые стихи. И жил командир, между прочим, вместе со своими бойцами, хотя по уставу это и не полагалось, но он добился разрешения.

Рыленков никогда не забывал о том огромном духовном наследстве, которое получило его поколение, считал себя связующим звеном между прошлым и будущим. Не должна прерываться «живая связь времен». Отсюда множество стихов, посвященных деятелям культуры, от Феофана Грека и Андрея Рублева, от Ломоносова и Пушкина до Левитана, Коненкова, Ахматовой и Пастернака. Он их называл «спутниками сердца».

На смерть Анны Ахматовой

И лесь и клевета —
какие это крохи,
В сравненье с бременем
святого ремесла,
Для той, что на ветру
под грозами эпохи
Честь наших русских муз
так высоко несла.

1966

Совершенно блестящими мне кажутся философские стихи. По наполненности глубоким содержанием, по насыщенности мысли, по образности, четкости и краткости их можно сравнить с лучшими образцами древних арабских, китайских и японских авторов. Вот несколько примеров:

Как безрассудно тратим время мы,
Пока не убедимся непреложно,
Что ни занять, ни дать его взаймы
Под этим милым небом невозможно.

1968

Как много нужно
Мастеру уметь,
Но не одним умением
Он блистает.
Он золотом гореть
Заставит медь,
Да выдавать за золото
Не станет.

1968

Гусиные иль золотые перья —
Закон один, открытый не вчера:
Писать умеют даже подмастерья,
Зачеркивать же — только мастера.

1964

Таких миниатюр так много, что невозможно их даже перечислить.

Можно вспомнить и стихи, которые так и просятся спеть, так они мелодичны.

Тематика стихов настолько разнообразна, настолько интересна, информативна, что любознательный читатель всегда сможет найти для себя то, что ему близко, что затронет сокровенные струны его сердца. Ведь их писал человек не только энциклопедически образованный, талантливый, но и совестливый, с обостренным чувством ответственности как за судьбу страны, так и свое творчество.

Окружающих поражала эрудиция Николая Ивановича в области поэзии — как русской, так и зарубежной, — широта его кругозора и вкуса, его способность оценить по достоинству совершенно не похожих на него поэтов. Критик А. Македонов отмечал, что никто не написал о Пастернаке с таким глубинным пониманием главного и лучшего в его поэзии, как именно столь во многом далекий от него Рыленков.

После сорока лет он полушутя-полусерьезно часто повторял слова так любимого А. С. Пушкина: «Года к суровой прозе клонят». Проза его дополняет стихи. Многие исследователи называют ее поэтической. Совершенно особое, но в то же время закономерное место занимает у Рыленкова работа над переводом шедевра древнерусской литературы «Слово о полку Игореве». И хотя он задумал его еще в студенческие годы и ему настоятельно рекомендовал сделать это профессор Соболев, поскольку Николай Иванович знал прекрасно древнеславянский язык, воплощение замысла произошло лишь тогда, когда он счел себя готовым к нему, то есть через тридцать с лишним лет, в 1962 году. Рыленков стремился сделать памятник литературы близким и доступным людям и в то же время сохранить поэтический дух подлинника, его исторический колорит, дать современное толкование. Поэтический пересказ вызвал много восторженных откликов. Учителя писали, что он гораздо доступнее учащимся, а профессионалы утверждали, что только за этот труд, даже если не напишет ничего больше, он займет почетное место в истории литературы.

Прожил он слишком мало, не смог воплотить очень и очень многие свои замыслы, как поэтические, так и прозаические. Он всегда смотрел в будущее и напоминал о суде истории.

В тех просторах, что только снятся
Поколению моему,
Где мечты наши воплотятся,
Где труды наши благословятся,
Заблуждения объяснятся,
Треволнения канут во тьму, —
Все простится, но не простятся
Лжесвидательства никому.

1968

Рыленков в одном из стихотворений 1962 года признавался, что он хотел бы жить долго, «чтобы непогашенного долга не осталось в жизни у меня». Но в то же время он понимал краткость пребывания на этой земле и считал себя связующей нитью времен:

Кто говорит, что короток наш век?
Неправда, мы живем тысячелетья,
С тех пор, как высек искру человек, —
И мы за все, что создал он, в ответе.

1964

О Рыленкове писателе и человеке можно говорить много и интересно, но все же лучше сесть и почитать, найти свою изюминку, свое сокровенное.

Николай Иванович чрезвычайно серьезно относился к творчеству, считая его подвигом и называя «сладкой каторгой», от которой он не мог отказаться ни за что на свете:

Пока не брызнет та живая влага,
Что может смыть с души осадок лет,
Ты мученик. Истерзана бумага.
Ночь не отступит, не придет рассвет.
Но этих мук, которым равных нет,
Ты не отдашь ни за какие блага.

1965

Он говорил: «У нас часто бросаются словами “великий”, “выдающийся”, “гениальный”. Боже мой! Да Россия так богата настоящими поэтами! В России, где Баратынский и Фет долго были, да и сейчас как-то в тени, где Тютчев — всего лишь “второстепенный поэт”, в России быть не “великим”, не “выдающимся”, а просто быть поэтом — большое счастье и большая ответственность» (Рыленков ссылается здесь на статью Н. А. Некрасова «Русские второстепенные поэты»):

То званье, что Пушкин и Лермонтов,
Некрасов и Тютчев носили,
Живет не старея, согретое
У самого сердца России.

А кто, к тому званью причисленный,
Не мерит их подвигом труд свой —
Того ухищренья бессмысленны,
С чернилами вместе сотрутся.

Всегда правдолюбцы-воители,
Чьи в тучах изваяны лица,
В поэте сподвижника видели,
Глядящего в даль прозорливца.

Под грозами века рожденные,
Не раз убеждались мы снова,
Что только судьбой подтвержденное
Крылатым становится слово.

С пути не вернется назад оно,
Хоть крылья под ветром натрудит,
Везде, по полету угадано,
В сердцах оно принято будет.

И детским покажутся лепетом
Пред ним виршеплетов усилья...
О званье, что Пушкин и Лермонтов,
Некрасов и Тютчев носили!

1961

Продолжение следует.